

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 882:82-3(08)
<https://doi.org/10.23951/1609-624X-2022-3-115-125>

ИДИЛЛИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ В. А. ЖУКОВСКОГО В ПОЭМЕ Н. В. ГОГОЛЯ «ГАНЦ КЮХЕЛЬГАРТЕН»

Денис Александрович Щуков

Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия,
d.schukov@gmail.com

Аннотация

Введение. Жанр идиллии, развивающийся в мировой литературе еще с античности, является определяющим для поэтики русской литературы первой трети XIX в. Эстетика романтизма помогла ему развиваться, и таким образом возникла романтическая идиллия.

Большой вклад в развитие идиллии в России внес В. А. Жуковский, основоположник романтизма в русской литературе. Масштаб творчества поэта был достаточно велик и оказал влияние на произведения современников, среди которых был и Н. В. Гоголь, проявлявший в юношеские годы немалый интерес к идиллической тематике.

В связи с этим *целью* статьи является определение особенностей реализации идиллической модели В. А. Жуковского в ранней поэме Гоголя «Ганц Кюхельгартен».

Материал и методы. Материалом исследования является идиллическая поэма Н. В. Гоголя «Ганц Кюхельгартен», а также оказавшие на нее влияние произведения В. А. Жуковского, среди которых идиллия «Деревенский сторож в полночь»; «павловские стихотворения»; стихотворения «Теон и Эсхин», «Тоска», «Лалла Рук», «Там небеса и воды ясны!»; элегии «Славянка» и «Вечер»; романс «Желание»; песня «Путешественник»; статья «О слоге простом и украшенном».

В работе используются биографический и сравнительный методы исследования.

Результаты и обсуждение. Жанр идиллии очень близок В. А. Жуковскому. Идиллическое мировоззрение органично существует в его поэтическом сознании. Период сильного интереса поэта к идиллии синхронизируется с его юностью. В молодости он черпает новые поэтические формы преимущественно из европейских идиллий. В них Жуковского привлекают образы простой, обыденной жизни, сфокусированность на сельской природе, патриархальных нравах. Поэт особенно вдохновляется натурфилософскими аспектами.

Отличительными чертами произведений Жуковского, созданных в данном жанре, являются описательность, обилие статических природных картин, вольный стих. Кроме того, отдельно выделим и авторскую установку на воспроизведение естественной динамики жизни. Поэт выступает живописцем, который стремится в своих картинах передать мельчайшие детали внутренней жизни природы.

Однако это лишь эксплицитная часть идиллий Жуковского. Намного важнее их имплицитная часть. Под ней мы подразумеваем сакральное, религиозное и мистическое. Мы фиксируем определенную эволюцию Жуковского-идиллика. От воспевания пейзажей и изображения жизни человека на лоне природы поэт осознанно переходит к более сложному творческому этапу, фокусируясь на мистическом и прислушиваясь к своему религиозному чувству.

Что касается других особенностей жанра идиллии в творчестве Жуковского, подобно контрастности, двомирию романтизма, произведения этого жанра, переводимые им, есть сплав, синтез прекрасного и таинственного в мире. Неслучайно многие из них открываются ночными пейзажами.

Таковыми были особенности реализации жанра идиллии в творческой системе Жуковского. Именно под их влиянием пишет свое первое произведение, поэму «Ганц Кюхельгартен», Н. В. Гоголь.

Идиллическая модель Жуковского в поэме Гоголя «Ганц Кюхельгартен» идентифицируется практически сразу. Это подтверждает, во-первых, топос поэмы (сельская глубинка). Во-вторых, читателю явлены картины пасторальной жизни. Немаловажно, что в начале поэмы возникает образ семьи (патриархальность – это важный аспект идиллии). Кроме того, в поэме Гоголя обнаруживаются и иные традиционные для идиллии топосы (дом, сад).

По примеру Жуковского Гоголь использует в произведении мотивы еды, сна и музыки. Они широко представлены в тексте и подчеркивают идиллические моменты поэмы.

Геройный ряд можно считать также традиционным для идиллии (каноны которой в русской литературе первым заложил именно Жуковский), поскольку подробное представление автором семьи Луизы – это следование идиллической направленности к полноте жизни, которая здесь есть целостность семьи.

В поэме наблюдается стремление героев к достижению счастья, персонажи мечтают об идиллической жизни. Однако в главном герое поэмы больше просматриваются романтические черты. И тем не менее в нем нет страсти героев Байрона. В итоге Ганц, скорее, следует линии поведения Эскина, воплощенного Жуковским.

Заключение. Таким образом, Гоголь при работе над своей юношеской поэмой «Ганц Кюхельгартен» ориентировался на идиллическую модель Жуковского. На это указывают традиционные элементы идиллий поэта, которые явно присутствуют в тексте Гоголя (образ семьи, пасторальные пейзажи, природные циклы, мотивы еды, сна, детства и т. п.). Однако Гоголь игнорирует некоторые важные элементы, свойственные идиллиям Жуковского. Так, гоголевский главный герой демонстрирует скорее черты романтического героя, нежели идиллического. Кроме того, в гоголевской поэме нет ярко выраженной мистической завесы. И, наконец, в ней, безусловно, ощутим диссонанс (субстрат романтического и идиллического). Причина его заключается в недостаточно продуманной компиляции художественных приемов ведущих европейских и русских литераторов.

Ключевые слова: Н. В. Гоголь, В. А. Жуковский, «Ганц Кюхельгартен», идиллия

Для цитирования: Щуков Д. А. Идиллическая модель В. А. Жуковского в поэме Н. В. Гоголя «Ганц Кюхельгартен» // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2022. Вып. 3 (221). С. 115–125. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2022-3-115-125>

LITERARY STUDIES

THE IDYLIC MODEL OF V. A. ZHUKOVSKY IN N. V. GOGOL'S POEM "GANZ KUCHELGARTEN"

Denis A. Shchukov

National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, d.schukov@gmail.com

Abstract

Introduction. The genre of idyll, which has been developing in world literature since Antiquity, is crucial for the poetics of Russian literature in the first third of the XIX century. The aesthetics of Romanticism helped it develop, and thus a romantic idyll arose.

A great contribution to the development of idyll in Russia was made by V. A. Zhukovsky, the founder of Romanticism in Russian literature. The scale of the poet's work was quite large and influenced the works of his contemporaries, among whom was N. V. Gogol, who showed considerable interest in idyllic themes in his youth.

Aim and objectives. In this regard, the purpose of the article is to determine the features of V. A. Zhukovsky's idyllic model implementation in N. V. Gogol's early poem "Ganz Kuchelgarten".

Material and methods. The material of the study is the idyllic poem by N. V. Gogol "Ganz Kuchelgarten", as well as the works of V. A. Zhukovsky that influenced it, including an idyll "The Village Watchman at Midnight", "pavlovian poems", the poems "Theon and Aeschines", "Anguish" ("toska"), "Lalla-Rookh", "There the heavens and waters are clear!", the elegies "Slavyanka" and "Evening", the romance "Desire", the song "Traveller", the article "About a simple and decorated style".

Biographical and comparative research methods are used in the work.

Results and discussion. The genre of idyll is very close to V. A. Zhukovsky. An idyllic worldview exists organically in his poetic consciousness. The period of the poet's strong interest in idyll is synchronized with his youth. In his youth, he draws new poetic forms mainly from European idylls. In them Zhukovsky is attracted by images of simple, everyday life, focus on rural nature, patriarchal mores. The poet is especially inspired by the natural philosophical aspects.

The distinctive features of Zhukovsky's works created in this genre are descriptiveness, an abundance of static natural paintings, free verse. In addition, we will separately highlight the author's aim at reproducing the natural dynamics of life. The poet acts as a painter who strives to convey in his paintings the smallest details of the inner nature life.

However, this is only an explicit part of Zhukovsky's idylls. Their implicit part is much more important. By it we mean the sacred, the religious and the mystical. We see a certain evolution of Zhukovsky's idyll. From the glorification of landscapes and the depiction of human life in the bosom of nature, the poet consciously moves to a more complex creative stage, focusing on the mystical and listening to his religious feeling.

As for other features of the idyll genre in Zhukovsky's work, like contrast or two-worldness of romanticism, the works of this genre translated by him are an alloy, a synthesis of the beautiful and the enigmatic in the world. It is no coincidence that many of them open with night landscapes.

These were the features of the idyll genre implementation in Zhukovsky's creative system. It was under their influence that N. V. Gogol wrote his first work, the poem "Ganz Kuchelgarten".

Zhukovsky's idyllic model in Gogol's poem "Ganz Kuchelgarten" is identified almost immediately. This is confirmed, firstly, by the topos of the poem (rural hinterland). Secondly, by the fact that the reader is shown pictures of pastoral life. It is also important that at the beginning of the poem there is an image of the family (patriarchy is an important aspect of the idyll). In addition, Gogol's poem reveals other traditional topos for idyll (house, garden).

Following the example of Zhukovsky, Gogol uses the motifs of food, sleep and music in the work. They are widely represented in the text and emphasize the idyllic moments of the poem.

The heroic series can also be considered traditional for the idyll (the canons of which in Russian literature were first laid by Zhukovsky), since the author's detailed representation of Louise's family is following an idyllic orientation to the fullness of life, which here is the integrity of the family.

The poem shows the desire of the characters to achieve happiness, they dream of an idyllic life. However, romantic features are more visible in the main character of the poem. And yet it lacks the passion of Byron's heroes. At the end, Ganz rather follows the line of behavior of Aeschines, embodied by Zhukovsky.

Conclusion. Thus, Gogol, when working on his youthful poem "Ganz Kuchelgarten", was guided by the idyllic model of Zhukovsky. This is indicated by the traditional elements of the poet's idylls, which are clearly present in Gogol's text (the image of a family, pastoral landscapes, natural cycles, the motif of food, sleep and childhood). However, Gogol ignores some important elements inherent in Zhukovsky's idylls. So, Gogol's main character demonstrates the features of a romantic hero rather than an idyllic one. In addition, there is no pronounced mystical veil in Gogol's poem. And finally, dissonance (the substratum of the romantic and idyllic) is certainly felt in it. The reason for it lies in the insufficiently thought-out compilation of leading European and Russian writers' artistic techniques.

Keywords: N. V. Gogol, V. A. Zhukovskiy, "Ganz Kuchelgarten", idyll

For citation: Shchukov D. A. Idillicheskaya model' V. A. Zhukovskogo v poeme N. V. Gogolya "Ganz Kuchelgarten" [The Idyllic Model of V. A. Zhukovsky in N. V. Gogol's Poem "Ganz Kuchelgarten"]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2022, vol. 3 (221), pp. 115–125 (In Russ.). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2022-3-115-125>

Введение

Жанр идиллии, развивающийся в мировой литературе еще с античности, является определяющим для поэтики русской литературы первой трети XIX в. Идиллические мотивы обнаруживаются в лирике многих русских поэтов начала XIX в. (А. А. Дельвиг, В. И. Панаев, Н. И. Гнедич, П. А. Катенин и др.).

Эстетика романтизма, доминирующая в это время в русской литературе, не уничтожает, а, напротив, реанимирует и развивает архаический жанр идиллии. Так, по мнению С. В. Бычковой, в начале XIX в. он развивается именно в рамках романтических традиций, поскольку с ними его объединяет мировоззрение, а также сходство в жанровой системе [1, с. 5]. Возникает романтическая идиллия.

Большой вклад в развитие идиллии в России внес В. А. Жуковский, основоположник романтизма в русской литературе. Как весьма одаренный литературный переводчик, безупречно владевший несколькими европейскими языками, он был хорошо знаком с традициями, направлениями и жанрами западной литературы. Поэт придавал большое значение европейской литературе, активно переводил и осмыслял ее, кроме того, был деятельным преемником и интерпретатором европейских литературных традиций в России. Масштаб творчества

Жуковского был достаточно велик и оказал несомненное влияние на произведения современников, среди которых был и Н. В. Гоголь, проявлявший в юношеские годы немалый интерес к идиллической тематике.

В связи с этим целью статьи является определение особенностей реализации идиллической модели В. А. Жуковского в ранней поэме Гоголя «Ганц Кюхельgarten».

Материал и методы

Материалом исследования является идиллическая поэма Н. В. Гоголя «Ганц Кюхельgarten», а также оказавшие на нее влияние произведения В. А. Жуковского, среди которых идиллия «Деревенский сторож в полночь»; «павловские стихотворения»; стихотворения «Теон и Эсхин», «Тоска», «Лалла Рук», «Там небеса и воды ясны!»; элегии «Славянка» и «Вечер»; романс «Желание»; песня «Путешественник»; статья «О слоге простом и украшенном».

В работе используются биографический и сравнительный методы исследования.

Результаты и обсуждение

Поскольку мы рассматриваем влияние идиллической модели Жуковского на произведение Гоголя, правомерно будет сначала подробно рассказать

об особенностях функционирования этого жанра в художественной системе первого, об отношении поэта к идиллии.

Несмотря на разнообразие переводимого Жуковским, у поэта были определенные предпочтения, любимые литературные жанры, к которым он многократно возвращался. Особое место среди них занимала идиллия, на каковой факт обращает внимание А. С. Янушкевич: «Говоря об опытах Жуковского в области идиллии, необходимо заметить, что... [ему] был вообще близок этот поэтический жанр. Более того – идиллическое мирозерцание, как особая концепция бытия, присуще поэту на всем протяжении его творчества...» [2, с. 178].

Исследователь ищет истоки интереса Жуковского к этому жанру. В качестве особой причины возникновения идиллии в творчестве поэта А. С. Янушкевич называет то, что: «...идиллии появились и как отклик поэта на бурную полемику вокруг его баллад, когда его обвиняли в отходе от жизни, в отсутствии природы. Не принимая прямого участия в этой полемике, Жуковский как бы демонстрировал свои возможности живописать природу, изображать „свежими, яркими красками неодушевленную природу“» [2, с. 178].

Кроме того, А. С. Янушкевич пытается понять философские, нравственные причины подобного интереса Жуковского к идиллии. Для этого исследователь обращается к работам В. Э. Вацура, после чего делает вывод о том, что посредством идиллий Гесснера Жуковский знакомился с реализацией восприятия концепции Ж.-Ж. Руссо в сфере литературного творчества. Произведения Гесснера давали взглянуть на эти идеи с точки зрения «пре-романтического руссоизма». Знакомясь с идиллиями Гесснера, Жуковский пытался вывести своего рода «нравственный кодекс», по которому люди могли сосуществовать [2, с. 179].

Идиллическое мировоззрение органично существует в поэтическом сознании Жуковского. Помимо этого, период сильного интереса поэта к идиллии синхронизируется с его юностью. В молодости он (со свойственной этому возрастному периоду жаждой нового, экзальтацией) черпает новые поэтические формы преимущественно из европейских идиллий.

Изученные повествовательные формы идиллии, усвоенные специфические черты этого жанра поэт активно использует в творчестве, после чего выходит на новый уровень поэтического мастерства. На данный факт также обращает внимание А. С. Янушкевич: по его мнению, идиллии Гесснера, Фосса и Дезульера помогали юному Жуковскому в поисках повествовательных форм и способов поэтического описания природы [2, с. 180].

В европейских идиллиях Жуковского привлекают образы простой, обывденной жизни, сфокусированность на сельской природе, патриархальных нравах. Поэт особенно вдохновляется натурфилософскими аспектами.

Отличительными чертами произведений Жуковского, созданных в данном жанре, являются описательность, обилие статических природных картин, вольный стих. Кроме того, отдельно выделим и авторскую установку на воспроизведение естественной динамики жизни. Это приводит к тому, что читатель без труда на страницах идиллий Жуковского способен фиксировать природные циклы (например, смену вечернего пейзажа на ночной и т. п.). Поэт выступает живописцем, который стремится в своих картинах передать мельчайшие детали внутренней жизни природы. И это неслучайно, ведь сам термин «идиллия» переводится как «картина». Идиллические, пейзажные зарисовки, безусловно, сыграли важную роль в создании образности лирики Жуковского. Поэт воспекает сельские пейзажи, очаровывает ими читателя.

Однако это лишь эксплицитная часть идиллий Жуковского. Намного важнее для него их имплицитная часть. Под ней мы подразумеваем сакральное, религиозное и мистическое.

Религиозные настроения русского общества александровской России, обусловленные значительными событиями в стране (возникновение русского Библейского общества, перевод Евангелия на национальные языки Российской империи), разделяет и Жуковский. И. Ю. Виницкий подчеркивает, что «...традиционно идиллические темы покоя, органического роста, еды, труда, детей, солнца, урожая и смерти преобразуются Жуковским в религиозные символы. Эта попытка создания религиозной идиллии легко вписывается в современный поэту идеологический контекст...» [3, с. 67].

Кроме того, еще в 1798 г. В. Гумбольдт писал, что посредством слова «идиллия» обозначали не просто литературный жанр, но и определенное умонастроение, вид чувствования [4, с. 244], что соотносится с выведением Жуковским в идиллиях своих религиозно-мистических переживаний. Мы фиксируем определенную эволюцию Жуковского-идиллика. От простого воспевания пейзажей и изображения жизни человека на лоне природы поэт осознанно переходит к более сложному творческому этапу, фокусируясь на мистическом и прислушиваясь к своему религиозному чувству.

Жуковский создает в идиллиях мистическую завесу. Поэт через натурфилософию выходит к духовной энергии мира, к категориям времени и вечности, а также обращается к мотиву духовного ге-

роя. Читателю репрезентированы мистические процессы в простой жизни. К подобным можно отнести, например, метаморфозы обычного зерна в идиллии Жуковского «Овсяный кисель».

Кроме того, А. С. Янушкевич видит в идиллиях Жуковского особый хронотоп. Исследователь замечает, что в них присутствует обозримый национальный космос: «...природа, будни, мысли обитателей того пространства, которое можно назвать деревенским... это пространство в совокупности содержания и в поэтической системе обретает масштаб своеобразного космоса национального бытия» [5, с. 111].

Жуковский дает европейской идиллии русскую прописку. Наиболее показательный пример этого явления – номинация идиллии Жуковского «Овсяный кисель». Второе слово данного словосочетания есть производное от названия русского народного блюда, т. е. уже заглавие отсылает нас к русской культуре и быту. Кроме того, в данном произведении автор репрезентирует свой образ-идеал родины. А. С. Янушкевич отмечает: «Лишенные социального пафоса... идиллические сценки превращаются у Жуковского в летопись той идеальной жизни, которую хотел видеть Жуковский в окружающем его социуме... Он... попытался воспитать в русском читателе уважение и любовь к этому миру» [5, с. 111].

И. Ю. Виноцкий и вовсе видит в «Овсяном киселе» Жуковского «...опыт создания христианской идиллии-притчи, пересаженной с „базельской“ на русскую почву и органически произрастающей на ней. Идиллический поэт оказывается здесь сеятелем Слова, равным проповеднику или ученому переводчику из Библейского общества, ибо он выполняет ту же задачу» [3, с. 69].

Итак, от пасторали Жуковский приходит к возвышенному пониманию данного жанра, адаптирует идиллию для русского читателя, добавляет к европейским традициям идиллии христианские аспекты.

Переводы европейских идиллий, многократное обращение русского поэта к этому жанру свидетельствуют об определенных идиллических предпочтениях раннего Жуковского. Отметим его письмо к А. И. Тургеневу от 21 октября 1816 г.: «Между тем написал, т. е. перевел с немецкого, пиесу под титулом „Овсяный кисель“... Это перевод из Гебеля, вероятно, тебе неизвестного поэта... я ничего лучше не знаю! Поэзия во всем совершенстве простоты и непорочности. Переведу еще многое. Совершенно новый и нам еще неизвестный род» [6, т. 15, с. 499].

Здесь вновь ощутим неподдельный интерес Жуковского к идиллии. Думается, что он был продиктован потребностью внутреннего мира поэта.

Об особенностях идиллического в лирике Жуковского пишет, например, И. М. Семенко: «Жуковский стремился создать гармонический, высокий, устойчивый в своей идеальности, особый поэтический мир, в котором сублимированы общечеловеческие нравственные ценности: „добродетель“, „истина“, „великое“, „прекрасное“. Добро и прекрасное для Жуковского неразрывны» [7, с. 81].

Следуя таким установкам, поэт пишет (помимо уже упомянутого «Овсяного киселя») и другие идиллии: «Утренняя звезда», «Тленность», «Летний вечер», «Деревенский сторож в полночь», «Воскресное утро в деревне», где читатель в полной мере может познакомиться с пасторальным миром, в котором воспеваются простые житейские радости.

Что касается других особенностей жанра идиллии в творчестве Жуковского, подобно контрастности, двоemiрию романтизма, произведения этого жанра, переводимые им, есть сплав, синтез прекрасного и таинственного в мире. Неслучайно многие из них открываются ночными пейзажами. Ночь – особенное, загадочное и мистическое время для романтиков. Жуковский в своей лирике неоднократно подчеркивает это, а в 1823 г. даже посвящает ночи свое одноименное стихотворение. В данном стихотворении лирический герой воспекает ночь, с трепетом ожидает ее наступления, а также видит в завершении дня мистическое проявление бытия.

Значимость этого времени суток в идиллиях Жуковского отмечает И. Ю. Виноцкий: «Бдение человека в ночи является темой идиллии „Деревенский сторож в полночь“ (Из Гебеля) (1816)... Ночные блуждания сторожа – символическая картина бодрствующей души, предчувствующей близость разрешающего ее бремя часа» [3, с. 83].

Продолжая рассматривать мотив ночного бодрствования, И. Ю. Виноцкий обращается к еще одному переведенному Жуковским произведению: «В другой идиллии из И.-П. Гебеля „Тленность“ (1816)... мотив бодрствования в ночи ассоциируется с темой мира и Страшного суда...» [3, с. 84].

Исследователь видит и определенный смысл в оппозиции дня и ночи в идиллиях Жуковского. Для осмысления этого явления он привлекает историософский контекст: «Утро мира ожидалось Жуковским, как и многими его современниками, в самом близком будущем и связывалось с установлением нового порядка в Европе после окончательной победы над Наполеоном» [3, с. 85].

Поэт подчеркивает значимость идиллии в своем творчестве. Апофеозом же избранного жанра в лирике Жуковского, на наш взгляд, стоит признать так называемые павловские стихотворения. Их Жуковский пишет в 1819 и 1820 гг. в павловских

владениях императрицы Марии Федоровны. И. Ю. Веницкий отмечает, что «павловские владения Марии Федоровны – своего рода земная тень небесного царства. Это „блаженная страна“, максимально удаленная от суетной жизни... поэт оказывается „земным свидетелем“ и певцом этого чудесного царства» [3, с. 148].

Павловск в рецепции Жуковского превращается в удаленный, потаенный и желанный идиллический край. Душа поэта пребывает здесь в блаженстве. Время в Павловске не властно над человеком, все идет своим чередом. Размеренные прогулки, регулярные приемы пищи, минуты созерцания пейзажей, литературные вечера и пр. Жуковский внедряет каноны идиллии в свою жизнь. И. Ю. Веницкий подчеркивает идиллические черты образа Павловска, мастерски изображаемые Жуковским: «...природа и самая рафинированная цивилизация находятся в гармонии... здесь вечное лето, изобилие фруктов и цветов... образ настоящей *dolce vita*...» [3, с. 150].

Отдельно исследователя интересует идиллический хронотоп «павловских стихотворений», который он характеризует как «...время фантазии и волшебства... сказочное царство, некогда населенное эфирными существами...» [3, с. 151].

Немаловажно, что И. Ю. Веницкий выделяет при анализе «павловских стихотворений» мотив сна, который придает идиллиям Жуковского медитативность. Вероятно, что данный мотив способствует усилению традиционного для идиллии чувства умиротворения.

В целом же ученый видит в «павловских стихотворениях» Жуковского определенный поэтический жест, провозглашающий новое, гармоничное время для русской литературы. Действительно, идиллические «павловские стихотворения» способствуют появлению эстетических манифестов («Лалла Рук» и др.) и шедевров Жуковского.

Отметим также, что в русской литературе Жуковский является пионером в вопросах создания канонов современной идиллии. Поэт значительно переосмысливает возможности данного жанра в рамках русской литературы. Жуковский расширяет проблематику своих идиллий, зачастую пытается нивелировать сентиментальные аспекты, свойственные многим русским идиллиям. Так, в «Марьиной роще» Жуковского читателю открывается принципиально иная сторона идиллии.

Героиня поэта, деревенская девушка Мария, добровольно покидает идиллическое пространство. Идиллический мир земледельцев в повести Жуковского контрастирует с неидиллическим миром Рогдая. Назревает конфликт. Поэт показывает два разных мира, которые априори не могут гармонич-

но сосуществовать. Не случайно и то, что Жуковский при описании данных миров использует разные стили и хронотопы. Поэт гиперболизирует проблему зыбкости идиллического мира.

Кроме того, в идиллиях Жуковского мы наблюдаем постепенное размывание границ избранного жанра. К этому можно отнести, например, сплав балладных и идиллических элементов в творческом сознании поэта. Так, И. С. Абрамовская упоминает, что трудности с границами жанров были спровоцированы тем, что на тот момент не существовало общей теории жанров. Ее не могло быть, потому что представления о жанровом каноне видоизменялись слишком быстро [8, с. 7]. Кроме того, по мнению исследователя, «Жуковский указал на новые возможности в освоении простонародной тематики, начав переводить идиллии немецкого поэта Гебеля, народные по форме (они были написаны на родном диалекте) и по содержанию» [8, с. 9].

Любопытно, что воспевание Жуковским простой жизни обнаруживается не только в идиллиях. Работая над своим эстетическим манифестом «О слоге простом и слоге украшенном», поэт вновь размышляет о ценности идиллического начала в жизни человека. Подобные рассуждения Жуковского приводят к возникновению новой эстетики русской литературы начала XIX в.

Так, поэт демонстрирует в своей лирике определенное понимание эстетики природы, окружающего мира человека. Лирический герой Жуковского, соприкасаясь с миром, рефлексивирует. Он упоен величием мироздания и безмолвно созерцает красоту природы. Развитие подобной тенденции обнаруживается в стихотворениях Жуковского «Невыразимое» и «Лалла Рук».

Таковыми были особенности реализации жанра идиллии в творческой системе Жуковского. Именно под их влиянием начинается свой творческий путь Н. В. Гоголь. Ориентируясь на идиллии Жуковского, он делает первые, еще не совсем уверенные шаги к литературному триумфу.

Начинающий амбициозный писатель Гоголь, используя псевдоним В. Алов, в 1829 г. стремится осуществить свою давнюю мечту стать известным литератором. В Петербурге в свет выходит гоголевская поэма «Ганц Кюхельгартен». В контексте нашего исследования любопытно, что писатель уже в подзаголовке первого произведения подчеркивает важность жанра идиллии («идиллия в картинах»). Очевидно, что Гоголь знал о его популярности в русской литературе первой трети XIX в. Кроме того, вполне возможно, что писатель имел достаточно сведений о канонах идиллии.

Известно, что в то время в Нежинской гимназии царил культ И. Гете. Очевидно, что Гоголь читал

первую часть «Фауста», где проявляются европейские идиллические традиции. Помимо этого, некоторые исследователи склонны полагать, что Гоголь мог читать идиллию И. Фосса «Луиза» (на это может косвенно указывать выбор имени для главной героини в поэме «Ганц Кюхельгартен»).

Немаловажным нам видится и то, что гимназист Гоголь слушал курс древней истории, после чего, вероятно, мог в полной мере ознакомиться и с самым античным жанром.

Возможно, что будущий писатель внимательно следил за развитием жанра идиллии в литературе. Это подтверждают некоторые исследователи: «Роль идиллии как эстетического и литературного явления определялась в сознании Гоголя не только жанровым обозначением фоссовской „Луизы“ („...в трех идиллиях“), но и вниманием к этому жанру в популярных в то время теоретических курсах» [9, т. 1, с. 579].

Нельзя оставить без внимания и целый пласт отечественных текстов первой трети XIX в., где также представлены идиллические традиции. В первую очередь это некоторые стихотворения, поэмы А. С. Пушкина и «античные» стихи К. Н. Батюшкова. В частности, Гоголь мог ознакомиться и с текстами идиллий Жуковского в получаемых от своего друга М. А. Максимовича книгах. Такими были предпосылки, на основе которых сформировался интерес Гоголя к жанру идиллии.

Идиллическая модель Жуковского в поэме Гоголя «Ганц Кюхельгартен» идентифицируется практически сразу. Несколько фактов подтверждают нашу гипотезу. Во-первых, топос поэмы (сельская глубинка). Во-вторых, читателю явлены картины пасторальной жизни. Словом, во всех картинах поэмы ощутим дух размеренной идиллической жизни человека на лоне природы. Немаловажно и то, что в начале поэмы возникает образ семьи (патриархальность – это важный аспект идиллии):

Сегодня праздновал живой Вильгельм
Рождение дорогой своей супруги,
С пастором и драгими дочерьми:
Луизой старшей и меньшою Фанни» [9, т. 1, с. 39]; динамика природы (читателю явлена картина увядания дня):

С прохладною спокойный тихий вечер
Спускается... [9, т. 1, с. 41]; ощущение естественного течения жизни (происходит смена времен года):

«Уж осень. Холодно...» [9, т. 1, с. 57]; мотив еды:

Теперь за стол, не то простынет все:
И каша с рисом и вином душистым,
И сахарный горох, каплун горячий [9, т. 1, с. 41].

Любопытным нам видится и идиллический хронотоп гоголевской поэмы:

Светает. Вот проглянула деревня,
Дома, сады. Все видно, все светло.
Вся в золоте сияет колокольня
И блещет луч на стареньком заборе.

Пленительно оборотилось все [9, т. 1, с. 27].

В представленном фрагменте поэмы Гоголя обнаруживаются и иные традиционные для идиллии топосы (дом, сад). Упоительные сельские пейзажи поэмы создают иллюзию гармонии, природа и человек взаимосвязаны. Все это напоминает идиллическую модель «павловских стихотворений» Жуковского.

В «Ганце Кюхельгартене» сад весьма частотный образ, и очевидно, что он у Гоголя (по аналогии с садово-парковым пространством в «павловских стихотворениях» Жуковского) является образом земного рая. Следует отметить и цветовую палитру, которую использует Гоголь. Как видно из цитаты выше, образ сада коррелирует со светом, приятными серебряными и золотыми цветовыми оттенками, что усиливает общую атмосферу умиротворения и изобилия. Умиротворение – важный аспект идиллий Жуковского.

Безмятежность в поэме Гоголя тесно связана с «одомашненным» пространством, в котором пребывают герои поэмы: «Под тенью лип, стоит уютный домик Пастора» [9, т. 1, с. 27]. Образ дома здесь придает дополнительное ощущение знакомого, безопасного и комфортного пространства, что крайне важно для идиллии. Отметим и лексему «деревня» (сужающая пространство для героев до знакомого и понятного им предела), присутствующую в цитате выше. Данная лексема может отсылать к целому пласту идиллий, переводимых Жуковским. Например, «Деревенский сторож в полночь».

Образ деревни в начале гоголевской поэмы был бы не совсем целостным без пастухов:

И я был злой на свете воин,
Меня робели пастухи [9, т. 1, с. 28].

Образ пастухов довольно частотен для жанра идиллии. Он связан с пасторальностью. Пастораль и идиллия – два постоянных спутника.

Однако это далеко не все идиллические черты поэмы Гоголя. По примеру Жуковского Гоголь использует в своем первом произведении, помимо упомянутого выше мотива еды, еще ряд мотивов (например, мотивы сна и музыки). Они широко представлены в гоголевском тексте и подчеркивают идиллические моменты поэмы.

Так, мотив сна в поэме Гоголя, как и в «павловских стихотворениях» Жуковского, демонстрирует безмятежность и спокойствие:

Все спит. Ничей блудящий взор
На поле никого не встретит [9, т. 1, с. 44].

Переходя к мотиву музыки, отметим, что он является довольно частотным в гоголевской поэме и проявляет себя на протяжении всего повествования. Человек и природа в «Ганце Кюхельгартене» поют в унисон. Отметим несколько репрезентативных фрагментов гоголевского текста, в которых функционирует мотив музыки: «И пели жавронки» [9, т. 1, с. 32]; «Неслася песнь, – то песнь гребцов удалых» [9, т. 1, с. 32]; «И в окне поет певец» [9, т. 1, с. 52].

Музыка, очевидно, рассматривается Гоголем как мощный инструмент установления гармонии в мире. Именно она дополняет общую идиллическую атмосферу гоголевской поэмы. Музыка (как и природа) в «Ганце Кюхельгартене» (а чуть позже и в «Вечерах на хуторе близ Диканьки») для Гоголя есть «...способ стихийного, гипнотического воздействия на человека, в обход рационального восприятия» [10, с. 8].

Еду, сон и музыку можно считать символами изобилия, полноты жизни в гоголевской поэме, так как вкупе все эти компоненты представляют возможность для гармоничного существования человека в мире. Вокруг него уравнивается материальное и духовное.

Идиллическую гармонию поэмы подчеркивает и многократное обращение автора к образу ребенка. В поэме обнаруживается ряд детских образов. Приведем лишь один подобный образ:

Беспечный, ветреный младенец.

И было весело ему [9, т. 1, с. 32].

Мотив детства подчеркивает культ искренности, непосредственности, нравственной чистоты, что всегда важно в идиллии. Любопытно, что в поэме с мотивом детства коррелирует мотив старости. И в этом нет противоречия. Помимо культа детской непосредственности, идиллия часто пропагандирует ностальгию, устремленность в гармоничное прошлое (подобное проявится снова у Гоголя в повести «Старосветские помещики»).

Кроме того, в поэме «Ганц Кюхельгартен» обнаруживается много упоминаний старости. Приведем одно из них: «И дремлет он под липой в старых креслах» [9, т. 1, с. 27]. Старые вещи в поэме и дряхление – это аспекты положительные. Автор вызывает у читателя позитивные коннотации: старое ассоциируется со стабильностью, покоем, умиротворением. Стабильность, статика – важные черты идиллии.

От пейзажей и мотивов поэмы перейдем к персонажам. Читатель практически сразу знакомится с ними: юноша Ганц Кюхельгартен, девушка Луиза и ее родственники (родители, младшая сестра, бабушка и дедушка).

Геройный ряд можно считать также традиционным для идиллии, поскольку подробное пред-

ставление автором семьи Луизы – это, безусловно, следование идиллической направленности к полноте жизни, которая здесь есть целостность семьи: несколько поколений под одной крышей, полная семья и гармоничное сосуществование в ней.

Кроме того, дедушка Луизы является пастором, что усиливает духовную составляющую произведения. Авторская отсылка к христианской этике и морали в связи с образом пастора – это, очевидно, гоголевская попытка смоделировать образ чистой, праведной жизни, а стремление к нравственной чистоте, к жизни в добре – это тоже признаки идиллии.

В поэме наблюдается стремление героев к достижению счастья, персонажи мечтают об идиллической жизни. Однако здесь наступает первое и основное расхождение с канонами идиллии. Так, Луиза мечтает о помолвке с Ганцем и семейном счастье, а Ганц мечтает о духовной свободе, он устремлен в Афины, жаждет прикоснуться к древней культуре и постичь новые смыслы жизни. Луиза привязана к дому, мыслит земными, обыденными категориями, Ганц же погружается в глубокие раздумья, практически умирая для этого мира.

В главном герое гоголевской поэмы все больше просматриваются романтические, а не идиллические черты. Ганца можно вполне причислить к романтическим героям. Во-первых, юноше свойственно высокое романтическое безумие, одиночество, неприятие реальности. Во-вторых, Ганцу явно тесны рамки освоенного домашнего пространства. Герой не стремится к семейной жизни, не желает созерцать красоты родного края. Ганц – герой жаждущий, ищущий, не смиряющийся. Он – герой-бунтарь, а не мирный сельский обыватель. Юный Ганц бросает все: родной край, Луизу – и отправляется в странствие.

Тем не менее в Ганце Кюхельгартене нет страсти героев Байрона. Согласимся с мнением В. В. Гиппиуса о том, что «...в выводе гоголевский герой следует не Байрону, а именно Жуковскому – его Эсхину, возвратившемуся к пенатам и убежденному квиетизмом верного пенатам Теона...» [11, с. 19]. С В. В. Гиппиусом солидарны и другие исследователи, которые замечают, что «гоголевский протагонист родствен персонажам предромантической и романтической поры, таким как Эсхин (баллада „Теон и Эсхин“ Жуковского, 1815)...» [9, т. 1, с. 579].

Кроме того, немаловажно, что Ганц впадает в меланхолию. Подобное проявление человеческой души часто исследовалось Жуковским. Известно, что поэт с трепетом относился к данному проявлению психики человека. Жуковский открывает русскому читателю меланхолию в своей статье «О ме-

ланхолии в жизни и поэзии» (она опубликована после выхода в свет «Ганца Кюхельгартена»). После прочтения статьи поэта становится очевидно, что Гоголь весьма точно создает образ героя-меланхолика. Вероятно и то, что писатель при создании образа героя ориентировался на элегические традиции Жуковского (элегии «Славянка» и «Вечер»).

Поэтику элегий Жуковского «Славянка» и «Вечер» в гоголевском тексте обнаруживает А. В. Петров: «...Гоголь „наткнул палец“ на линии Жуковского ...Начиная с VII картины Гоголь подступает к поэтике вечерней идиллии. Несомненно, „Славянка“ и „Вечер“ Жуковского присутствуют в сознании молодого Гоголя...» [12, с. 177–178].

Следует отметить, что мировосприятие Ганца коррелирует с идентичными идеалами лирических героев Жуковского. Гоголь, работая над «Ганцем Кюхельгартеном», вполне мог помнить о стихотворении поэта «Тоска» (1828). В нем обнаруживаются любопытные строки:

Сердце мукой безымянной
Всё проникнуто насквозь,
И меня отсель куда-то
Всё зовет какой-то глас [13, т. 2, с. 311].

Цитируемый текст Жуковского является емкой и точной характеристикой внутриличностного конфликта Ганца. Для творчества Жуковского и Гоголя в этот период времени характерен мотив странничества. Безусловно, что в первую очередь этому способствует романтизм. Учитывая, что одним из главных романтиков русской литературы можно признать именно Жуковского, нетрудно обнаружить некоторые отголоски его творчества в «Ганце Кюхельгартене».

Работая над своим дебютным произведением, Гоголь тщательно изучал лирику Жуковского. Это косвенно подтверждает то, что Гоголь старательно воссоздает образ главного героя-путешественника, который охвачен неясными, мистическими побуждениями, стремится попасть в далекую, прекрасную страну.

Лиричность, мечтательность Ганца Кюхельгартена, его желание поиска идеального края созвучны с некоторыми романсами и песнями Жуковского. В частности, отметим его романс «Желание», где весьма очевидны идиллические черты и присутствует прекрасный образ Греции:

Там поют согласны лиры;
Там обитель тишины;
Мчат ко мне оттоль зефиры
Благовония весны;
Там блестят плоды златые
На сенистых деревьях;
Там не слышны вихри злые
На пригорках, на лугах [14, т. 1, с. 162].

Подобные идиллические черты были важны и для Гоголя в «Ганце Кюхельгартене». Ганц также представляет себе Афины, Грецию как край, где царит гармония и умиротворение. Ганца охватывает желание попасть туда. И герой не поступился ничем, он покидает отчий дом, родную страну.

Прощание с родиной, мотив покидания отчизны обнаруживается и в песне Жуковского «Путешественник»:

Дней моих еще весною
Отчий дом покинул я;
Все забыто было мною –
И семейство и друзья [14, т. 1, с. 147].

Очевидно, что героем поэмы Гоголя управляют идентичные душевные порывы. Ганц спешит распрощаться со всем обыденным и стабильным.

Однако гоголевского персонажа нельзя назвать авантюристом. Ганц покидает отчий дом с определенной целью. Юноша лелеет мечту обрести земной рай. Аналогичную цель преследуют многие лирические герои Жуковского. Репрезентативными примерами, на наш взгляд, являются стихотворения поэта «Лалла Рук» и «Там небеса и воды ясны!». В них читателю явлен образ идеального, прекрасного и желанного мира. Его проекция может являться универсальным образом земногорая.

Наконец, любопытной нам представляется связь сюжета «Ганца Кюхельгартена» с уже упомянутым выше эстетическим манифестом Жуковского 1814 г. «Теон и Эсхин». Обратимся к важным для нашей работы строфам данного стихотворения Жуковского:

При блеске возвышенных мыслей я зрел
Яснее великость творенья;
Я верил, что путь мой лежит по земле
К прекрасной, возвышенной цели.

Увы! я любил... и ее уже нет!
Но счастье, вдвоем столь живое,
Навеки ль исчезло? И прежние дни
Вотще ли столь были прелестны? [14, т. 1, с. 382].

В представленных строфах практически явлен краткий сюжет «Ганца Кюхельгартена». Ганц также стремился к чему-то далекому, возвышенному, недостижимому, но не понимал очевидного, что было всегда рядом, – любовь с Луизой безвозвратно прошла и умирает.

Однако в финале поэмы Гоголя читателю открывается не образ сильной, титанической личности, мудреца Жуковского Теона, а лишь образ разочарованного, потерявшего все то ли молодого человека, то ли старика. Наступает разочарование Ганца в мечтаниях и устремлениях. Он понимает, что потерял все, что было так ему доступно, он не

нуждается больше в нескончаемых духовных поисках и усмиряет мятежное сердце. Ганц первоначально отказался от идиллических простых радостей жизни, но, пройдя тернистый путь, снова готов их принять:

Как бы в забвении счастливым,

Его касается мечта;

Но мысль не тем уж занята. –

Он в думы крепкие погружен.

Ему покой теперь бы нужен [9, т. 1, с. 59].

Ю. В. Манн, анализируя финал «Ганца Кюхельгартена», замечает, что «...волнения, надежды, страсти, разочарование – воплощаются в конкретную человеческую судьбу, весьма близкую судьбе романтического персонажа» [15, с. 359]. Действительно, трудно не согласиться с мнением исследователя, так как подобный не совсем счастливый финал для гоголевского Ганца не типичен для идиллии. Участь персонажа Гоголя, очевидно, больше сопоставима с судьбами лирических героев элегий и баллад Жуковского.

Именно в элегиях и балладах (популярные романтические жанры в русской литературе первой трети XIX в.) поэту важно репрезентировать душевную драму своего лирического героя. Образ главного героя мог быть навеян уже не идиллическими, а элегическими и балладными моделями Жуковского. Однако рассмотрение элегических и балладных моделей Жуковского не является целью настоящего исследования.

Заключение

Таким образом, Гоголь при работе над своей юношеской поэмой «Ганц Кюхельгартен» ориентировался на идиллическую модель Жуковского. На это указывают традиционные элементы идиллий поэта, которые явно присутствуют в тексте Гоголя (образ семьи, пасторальные пейзажи, природные циклы, мотив еды, мотив сна, мотив детства и т. п.). Однако Гоголь игнорирует некоторые важные элементы, свойственные идиллиям Жуковского. Так, гоголевский главный герой не демонстрирует яркие черты идиллического героя; кроме того, в поэме нет ярко выраженной мистической завесы, которую использует Жуковский. Мистическая, потусторонняя сторона жизни по-настоящему будет интересовать Гоголя чуть позже (уже в «Вечерах на хуторе близ Диканьки»). Пока же читатель вынужден довольствоваться лапидарными сведениями об иной реальности (ночные видения в «Ганце Кюхельгартене»). Это принципиальное расхождение с идиллиями Жуковского, так как метаморфозы, таинственность жизни являются важной составляющей для поэта. И, наконец, в ней, безусловно, ощутим диссонанс (субстрат романтического и идиллического). Причина его, очевидно, заключается в недостаточно продуманной Гоголем компиляции художественных методов и приемов ведущих европейских и русских литераторов. Писатель пытается следовать актуальным веяниям русской литературы, но терпит крах в силу определенной неопытности.

Список источников

1. Быченкова С. В. Жанр идиллии в русской романтической поэзии первой трети XIX века: автореф. дис. ... канд. фил. наук. Владимир, 2006. 178 с.
2. Янушкевич А. С. В мире Жуковского. М.: Наука, 2006. 523 с.
3. Веницкий И. Ю. Дом толкователя: поэтическая семантика и историческое воображение В. А. Жуковского. М.: Новое лит. обозрение, 2006. 328 с.
4. Гумбольдт В. фон. Эстетические опыты. Первая часть. О «Германе и Доротее» Гете / Язык и философия культуры. М.: Прогресс, 1985. С. 160–278.
5. Янушкевич А. С. Путь В. А. Жуковского от русской идиллии к русской повести: деревенский топос // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 1 (21). С. 105–124.
6. Жуковский В. А. Полное собрание сочинений и писем: в 20 т. М.: ЯСК, 2019. Т. 15. 1088 с.
7. Семенко И. М. Жизнь и поэзия Жуковского. М.: Худ. литература, 1975. 255 с.
8. Абрамовская И. С. Русская идиллия: эволюция жанра в прозе конца XVIII – первой половины XIX века: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Великий Новгород, 2000. 20 с.
9. Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений и писем: в 23 т. М.: Наука, 2003. Т. 1. 920 с.
10. Брагина Н. Н. Н. В. Гоголь: симфония прозы (опыт аналитического исследования). Иваново: ПресСто, 2007. 210 с.
11. Гиппиус В. В. Гоголь. М.: Юрайт, 2019. 215 с.
12. Петров А. В. Сюжет преобразования идиллии в творчестве раннего Гоголя // Феномен русской классики. Томск, 2004. С. 171–181.
13. Жуковский В. А. Полное собрание сочинений и писем: в 20 т. М.: Языки русской культуры, 2000. Т. 2. 840 с.
14. Жуковский В. А. Полное собрание сочинений и писем: в 20 т. М.: Языки русской культуры, 1999. Т. 1. 760 с.
15. Манн Ю. В. Творчество Гоголя: смысл и форма. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2007. 744 с.

References

1. Bychenkova S. V. *Zhanr idillii v russkoy romanticheskoy poezii pervoy treti XIX veka. Avtoref. dis. kand. filol. nauk* [The genre of idyll in Russian romantic poetry of the first third of the XIX century. Abstract of thesis. cand. philol. sci.]. Vladimir, 2006. 178 p. (in Russian).
2. Yanushkevich A. S. *V mire Zhukovskogo* [In the world of Zhukovsky]. Moscow, Nauka Publ., 2006. 523 p. (in Russian).
3. Vinititskiy I. Yu. *Dom tolkovatelya: Poeticheskaya semantika i istoricheskoye voobrazheniye V. A. Zhukovskogo* [The House of the Interpreter: Poetic Semantics and Historical Imagination of V. A. Zhukovsky]. Moscow, Novoye literaturnoye obozreniye Publ., 2006. 328 p. (in Russian).
4. Humboldt W. von. *Esteticheskiye opyty. Pervaya chast'. O "Germane i Doroteye" Gete* [Aesthetic experiences. The first part. About Goethe's "Hermann and Dorothea"]. *Yazyk i filosofiya kul'tury* [Language and philosophy of culture]. Moscow, Progress Publ., 1985. Pp. 160–278 (in Russian).
5. Yanushkevich A. S. Put' V. A. Zhukovskogo ot russkoy idillii k russkoy povesti: derevenskiy topos [V. A. Zhukovsky's path from Russian idyll to Russian story: village topos]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*, 2013, no. 1 (21), pp. 105–124 (in Russian).
6. Zhukovskiy V. A. *Polnoye sobraniye sochineniy i pisem: v 20 tomakh. Tom 15* [Complete works and letters: In 20 vols. Vol. 15]. Moscow, YASK Publ., 2019. 1088 p. (in Russian).
7. Semenko I. M. *Zhizn' i poeziya Zhukovskogo* [The life and poetry of Zhukovsky]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1975. 255 p. (in Russian).
8. Abramovskaya I. S. *Russkaya idilliya: evolyutsiya zhanra v proze kontsa XVIII – pervoy poloviny XIX veka. Avtoref. dis. kand. filol. nauk* [Russian Idyll: the evolution of the genre in prose of the late XVIII – first half of the XIX century. Abstract of thesis. cand. philol. sci.]. Velikii Novgorod, 2000. 20 p. (in Russian).
9. Gogol' N. V. *Polnoye sobraniye sochineniy i pisem: v 23 tomakh. Tom 1* [Complete works and letters: in 23 volumes. Vol. 1]. Moscow, Nauka Publ., 2003. 920 p. (in Russian).
10. Bragina N. N. *N. V. Gogol': simfoniya prozy (opyt analiticheskogo issledovaniya)* [N. V. Gogol: Symphony of prose (analytical research experience)]. Ivanovo, PresSto Publ., 2007. 210 p. (in Russian).
11. Gippius V. V. *Gogol' [Gogol]*. Moscow, Yurayt Publ., 2019. 215 p. (in Russian).
12. Petrov A. V. *Syuzhet preobrazovaniya idillii v tvorchestve rannego Gogolya* [The plot of idylls transformation in the works of early Gogol]. *Fenomen russkoy klassiki* [The phenomenon of Russian classics]. Tomsk, 2004. Pp. 171–181 (in Russian).
13. Zhukovskiy V. A. *Polnoye sobraniye sochineniy i pisem: v 20 tomakh. Tom 2* [Complete works and letters: in 20 vols. Vol. 2]. Moscow, Yazyki russkoy kul'tury Publ., 2000. 840 p. (in Russian).
14. Zhukovskiy V. A. *Polnoye sobraniye sochineniy i pisem: v 20 tomakh. Tom 1* [Complete works and letters: in 20 vols. Vol. 1]. Moscow, Yazyki russkoy kul'tury Publ., 1999. 840 p. 760 p. (in Russian).
15. Mann Yu. V. *Tvorchestvo Gogolya: smysl i forma* [Gogol's creativity: Meaning and Form]. Saint Petersburg, SPBU Publ., 2007. 744 p. (in Russian).

Информация об авторе

Щуков Д. А., аспирант, Национальный исследовательский Томский государственный университет (пр. Ленина, 36, Томск, Россия, 634050).

Information about the authors

Shchukov D. A., postgraduate student, National Research Tomsk State University (pr. Lenina, 36, Tomsk, Russian Federation, 634050).

Статья поступила в редакцию 18.11.2021; принята к публикации 29.03.2022

The article was submitted 18.11.2021; accepted for publication 29.03.2022